

Иммигранты прибывают
на остров Эллис, Нью-Йорк,
в начале XX века.

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ, старая реальность

Термин «глобализация» появился недавно, но интернационализация рынков, людей, идей и культур совсем не нова

Гарольд Джеймс

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ вызывает странную реакцию. Несмотря на то что практически каждый, кто задумывается о ней сегодня, соглашается с тем, что против глобализации разворачивается восстание, многие считают этот фундаментальный процесс как неизбежным, так и необратимым.

Правда ли это? Исторический экскурс помогает нам понять динамику бунтов против глобализации — движения денег, товаров, людей, идей, технологий и культур через границы.

Термин «глобализация» в его современном значении появился в 1970-е годы для описания интернационализации рынков, особенно финансовых, после десятилетнего повышения цен на нефть, но он отражает гораздо более давнюю реальность. Последний период глобализации, который казался ее подъемом, по крайней мере, до глобального финансового кризиса, представляет собой лишь один из таких периодов, и отступлений, которые проходят пунктиром по всей истории человечества.

Глобальный финансовый кризис научил нас, что неправильно — и опасно — полагаться на анализ экономических «трендов», полученных при помощи простой экстраполяции данных за короткий период. Мы не знаем, насколько необычны или исключительны эти данные. Нам также ничего не известно о сложной природе глобальных взаимосвязей. Шок непредвиденного кризиса вызвал поэтому новый интерес к рассмотрению динамики, полученной на основе гораздо более длительных временных интервалов. Эта более старая и долгосрочная динамика может выделить факторы уязвимости, помогающие нам понять, как скорректировать институциональную основу, чтобы сделать глобализацию более стабильной, менее опасной — и более справедливой.

Глобализация в прошлом

Описание весьма динамичной мировой торговли второй половины XIX – начала XX веков стало стандартной частью репер-

тура историков экономики (O'Rourke and Williamson, 1999). Однако эта эпоха была далеко не единственным эпизодом глобализации. Археологические находки указывают на глобальный характер торговли во времена Римской империи, когда сфера обращения римских монет доходила от Вечного города до далеких прибрежных районов Шри-Ланки и Вьетнама. Впоследствии сфера мировой торговли и финансов многократно расширилась. Во время многих эпизодов расширения возрождались идеи классической античности и римской эпохи глобализации (и мирового господства), как это было при выходе экономики из фазы спада в конце XV – начале XVI веков (экономическая подоплека Ренессанса) или в XVIII веке, когда развитие технологий и становившаяся все более доступной связь открыли дорогу для всемирных империй (для Британии и Франции).

Технология и глобализация тесно связаны: можно даже назвать это явление «технобализацией». Взаимосвязанность всего мира в XIX веке была обусловлена появлением парового двигателя. Паровозы открыли доступ к новым континентам и позволили фермерам поставлять сельскохозяйственную продукцию на отдаленные рынки. Затем пароходы обеспечили связь между континентами, и резкое снижение транспортных расходов подстегнуло интеграцию рынка. Координация транспортного сообщения вызвала необходимость в единообразной информации, и передавать информацию, которую нужна была рынкам, мог телеграф — для которого в 1865 году, после прокладки первого трансатлантического кабеля, океаны перестали быть препятствием.

Благодаря технологиям связи — в данном случае распространению печатной продукции и газет — люди также смогли получать больше информации о других странах и сравнивать суровую действительность, с которой они сталкивались в своих буднях борьбы за существование, с мифическим Эльдорадо, краем изобилия и счастья. Они были готовы мириться с суровыми лишениями, отправляясь в рискованные путешествия. С ноткой реализма они часто думали о том, что они сами могут и не найти землю обетованную, но ее обретение будет реальной возможностью для их детей.

«Предохранительные клапаны»

Однако миграция — это не только стремление отдельных людей к лучшей жизни. В более широком смысле она может служить клапаном для сброса социального давления в странах, из которых уезжают мигранты. Миграция стала ответом на проблемы, вызванные изменениями технологии, а также процессами торговли, из-за которых стали ненужными целые направления экономической деятельности. Люди, избравшие миграцию, строили новую жизнь и создавали новые возможности.

В случае глобализации XIX века перемещение людей с беднейшей периферии Европы (восточной и средиземноморской Европы и Скандинавии) повысило уровень доходов. Особенно резкий рост благосостояния отмечался в случае скандинавов. Тридцать миллионов мигрантов уехали из Европы в Соединенные Штаты в период с середины XIX по начало XX века; примерно 6,5 миллионов человек отправились в Аргентину, а 5 миллионов — в Канаду. Доля населения США, рожденного за рубежом, накануне Первой мировой войны была выше, чем в наши дни.

Политическая динамика эмиграции была описана экономистом Альбертом Хиршманом — несомненно, отчасти как отражение его собственного опыта бегства от преследования на политической и расовой почве в нацистской Германии (Hirschman, 1970). Чем легче уехать (эмигрировать), тем слабее обязательства перед политическим обществом в стране происхождения (лояльность) и менее актуальна потребность в озвучивании идей (гласность).

Когда эмиграция запрещена, потребность в гласности возрастает.

В странах назначения отмечается обратная динамика. Иммиграция порождает как лояльность, так и экономический динамизм. Значительная доля американского предпринимательства, как подчеркивал покойный Томас Маккроу, свидетельствует об изобретательности мигрантов (MacCraw, 2012).

Иногда предохранительные клапаны отводят потоки и создают наводнения в других местах: в результате миграция становится очень непопулярной. Критика глобализации часто направлена против предшествующего ей сброса давления при помощи миграции, и именно это, по-видимому, происходит сегодня во многих странах.

Обратные течения

У негативной реакции на глобализацию есть несколько исторических объяснений.

Во-первых, это *простая психологическая реакция на незнание*. Люди пресыщены взаимодействием; они отрекаются от всего иностранного и ищут защиты от глобальных угроз и разрушения.

Тема торговли между торговыми партнерами, находящимися на большом расстоянии, часто выливалась в осуждение ненужных предметов роскоши.

Тема торговли между удаленными друг от друга торговыми партнерами часто выливалась в осуждение ненужных предметов роскоши. И древнегреческий философ Аристотель, и его средневековый христианский последователь Фома Аквинский признавали, что торговля некоторыми продуктами между торговыми партнерами, находящимися на большом расстоянии друг от друга, необходима, но считали местное производство более нравственным, поскольку верили в то, что иностранцы нарушают ритм гражданской жизни (Irwin, 1996). Римский философ Плиний Старший возмущался тем, что Рим истощает себя дорогостоящим импортом ненужных предметов роскоши из Индии, Китая и с Аравийского полуострова, а поэт Секст Проперций жаловался, что «гордый Рим сгибается под тяжестью своего богатства». Богослов Мартин Лютер, знаковая фигура в протестантской Реформации, выступал против роскошных итальянских продуктов, которые вытесняли неприятные немецкие товары. Американская революция тоже началась со своеобразного восстания против глобализации — против британских налогов, но также против премиального продукта (чая) английских транснациональных предприятий.

Негативная реакция на миграцию включала шовинистические выступления. В 1882 году Конгресс США принял Акт об исключении китайцев, который запретил иммиграцию китайских рабочих в страну (и требовал, чтобы все китайцы при въезде предъявляли справку, удостоверяющую их род занятий). Этот закон неоднократно обновлялся (и наконец был отменен в 1943 году). Законопроекты, ограничивающие миграцию в более общем плане, также принимались — и до Первой мировой войны президент регулярно налагал на них вето.

Паровоз и вагоны XIX века прибывают в депо Клифтон Великой Западной железной дороги, Онтарио, Канада.

История предлагает и второе историческое объяснение: *глобализация прерывается во время финансовых кризисов*. Финансы представляют собой наиболее волатильную из международных связей. Глобализация увеличивает масштаб финансовых кризисов. Один из выводов, сделанных экономической историей, заключается в том, что в эпоху единого золотого стандарта в XIX веке между странами перемещалось больше потоков капитала, чем в условиях ограниченной финансовой взаимосвязанности в течение двух десятилетий после окончания Второй мировой войны. Но при золотом стандарте было и больше банковских кризисов. В частности, серьезные финансовые кризисы в 1907 году и после 1929 года возродили национализм, и вину за финансовые кризисы возлагали на иностранцев и иностранное влияние.

Третье предположение сводится к тому, что *волатильность или крах финансов вызывает полемику о работе международной системы* и повышает чувствительность к расстановке сил на мировой арене. Один из кризисов, в 1907 году, преподносит важные уроки о воздействии финансовых кризисов, но также о том, что финансы способны менять политику. После 1871 года мировая финансовая система вращалась в основном вокруг Британии и, в частности, Лондона. Паника в октябре 1907 года показала новым промышленным державам с высокими темпами роста, особенно Германии и Соединенным Штатам, желательность обретения финансовой мощи. Кризис однозначно начался в Соединенных Штатах, где высокий спрос на деньги вызвал резкое повышение процентных ставок, что повлекло за собой импорт золота. Но это также привело к росту ставок в других странах, создав сильное давление на банки в Египте, Италии и Швеции, а также в Германии — одним словом, практически везде.

Опыт 1907 года убедил некоторых американских финансистов в том, что в Нью-Йорке необходимо развивать коммерческую торговую систему, на которой ценные бумаги для финансирования торговли могли бы обращаться так же свободно, как и на зрелом и емком лондонском рынке (Broz, 1997; Eichengreen and Flandreau, 2010). Пол Варбург стоял в центре движения за развитие американского рынка акцептов (на котором обращались краткосрочные инструменты, как правило, используемые для финансирования импорта и экспорта). Варбург стал основным действующим лицом в создании Федеральной резервной системы, центрального банка США. Он был иммигрировавшим в США младшим братом известного гамбургского банкира, Макса Варбурга, личного советника немецкого деспота — кайзера Вильгельма II. Два брата-банкира Варбурги по обе стороны Атлантики энергично продвигали создание гер-

мано-американских институтов, которые могли бы предложить альтернативу британской промышленно-финансовой монополии. Они были убеждены, что Германия и Соединенные Штаты из года в год становились сильнее и что британское могущество таяло.

В четвертых, *глобальные связи разрушаются войнами, вытекающими из напряженности на геополитической арене, которая меняется под воздействием глобализации, а также возникающими в качестве ответной реакции на факторы уязвимости и стратегическую взаимозависимость*. По традиции, начатой французским теоретиком права и политическим философом Монтескье, торговля рассматривается как взращивание миролюбия. К такому же выводу пришли и знаменитые британские сторонники свободной торговли в XIX веке Джон Брайт и Ричард Кобден. Самое известное описание «идеи мира», заключающееся в том, что «нематериальные экономические силы сводят к нулю силу оружия», приводится в работе Нормана Энджелла «Великая иллюзия» (Angell, 1913). Энджелл стремился показать, как изменился характер правления и империи в результате экономической взаимозависимости. Он видел в этом принципиальное отличие от империализма римской модели, которая опиралась на сбор податей с подчиненных народов. «Риму не нужно было создавать рынки и искать область для использования своего капитала. Нам нужно это делать».

Но взаимозависимость позволила использовать угрозу системного сбоя как инструмент силовой политики (Lambert, 2012). Ввиду сложности сетей в глобализованном мире и возможных способов их использования для распространения влияния сети становятся идеальным инструментом в борьбе держав. В то же время стратегии, использующие силу сетей, непросты: угроза сбоем может легко вернуться бумерангом к ее источнику. Во время Первой мировой войны все стороны экспериментировали со стратегической дезорганизацией. Британия начала войну с массивной блокады, а Германия в 1917 году развязала настоящую войну подводных лодок, но в обоих случаях эта стратегия дала обратный эффект. Конечно, тогда было уже поздно.

Уроки глобализации

На каждом этапе цикла глобализации мы обычно экстраполируем текущие события и считаем, что этот этап, будь то уверенный подъем или стагнация и раздражение, вызванное спадом, продлится вечно. Приостановка тенденции к повышению в этом случае порождает глубокую дезориентацию и разочарование.

После недавнего глобального финансового кризиса логика, подобная логике вековой давности, вызвала у немецких и американских банков желание не только реформировать свои финансовые учреждения, но и подумать о новой финансовой и экономической структуре мира. Соединенные Штаты, хотя и были первым эпицентром финансового кризиса 2007–2008 годов, справились с ним лучше, чем другие развитые промышленные зоны, благодаря емкости и сложности своей финансовой системы. Этот опыт вызвал широкое обсуждение способов воспроизведения сложности и устойчивости американской системы в Европе и Азии точно так же, как немцы и американцы пытались извлечь уроки из модели Лондона и Банка Англии после 1907 года.

Как и столетие тому назад, в разных частях света акцент делается на различных уроках, извлеченных из нестабильности. Для директивных органов Китая центральной темой является значительное расширение роли их страны в финансировании торговли, с быстрым ростом доли внешней торговли, выраженной в юанях. В Китае повторяется своя версия американской полемики на рубеже прошлого века об использовании торговых векселей Нью-Йорка, а не Лондона.

Одним из выводов для европейцев является необходимость в усилении защиты активов и совершенствовании рынка государственных облигаций, что потребует перехода к стандартизованным европейским ценным бумагам, напоминающим векселя казначейства США. Это равносильно дискуссии столетней

Для стандартизации ценных бумаг требуются внутренние политические и конституциональные изменения в Европейском союзе.

давности в Германии после 1907 года. Многие европейские экономисты, равно как и наблюдатели со стороны, видят преимущество раннего американского опыта, когда отец-основатель Александр Гамильтон использовал консолидированный национальный долг в качестве основы новой республики. Но для стандартизации ценных бумаг потребуются внутренние политические и конституциональные изменения в Европейском союзе, которые может быть трудно представить — точно так же, как развитие долгового рынка Германии в полном объеме в начале XX века в итоге потребовало бы гораздо более значительной конституционализации.

Игра с нулевой суммой

В некоторых других странах, по-видимому, основной урок кризиса 2008 года заключается в том, что миру от природы присутствуют конфликты, и великие державы ведут игру с нулевой суммой в борьбе за гегемонию (Rachman, 2011). Едва ли удивительно, что мишени этой напряженной финансовой дипломатии ищут альтернативы доллару и международной финансовой системе. Без промедления отреагировав на финансовый кризис, российский президент Владимир Путин в своем выступлении в Сочи в сентябре 2008 года, видимо, напомнил французскую критику 1960-х годов, относившуюся к чрезмерно привилегированному положению доллара США, — ввиду его статуса мировой резервной валюты к нему не применимы рыночные ограничения, которые действуют в отношении других валют. Трудно объяснить позицию Путина после 2008 года иначе, чем уроком, извлеченным из событий 2008 года, который в то время казался уязвимостью США. Основной чертой китайско-российского газового контракта в 2014 году было то, что цена продаж не выражалась в долларах, что соответствовало желанию Китая придать большее значение юаню и цели России, заключавшейся в уменьшении зависимости от доллара в международной торговле. После финансовых кризисов и разрушительных войн и конфликтов также усиливается миграция.

Маяк надежды

В своей речи на открытии международной валютной конференции в Бреттон-Вудсе в 1944 году Генри Моргентау, в то время занимавший пост министра финансов США, изложил свое видение:

«Я надеюсь, что эта конференция сосредоточится на двух простейших экономических аксиомах. Первая из них такова: у процветания нет фиксированных границ. Это не конечная материя, уменьшающаяся при делении. Напротив, чем больше процветающих государств, тем больше будет процветать каждое из этих государств... Вторая аксиома следует из первой. Процветание, как и мир, неделимо. Мы не можем себе

позволить, чтобы оно рассеялось здесь или там среди тех, кому повезло, или пользоваться им в ущерб другим».

Значение французского слова *“globaliser”* (объединять в единое целое) несколько отличается от английского языка (когда французы говорят о глобализации, они обычно используют термин «мондиализация»). *Globaliser* означает «установить связи между различными сферами»: например, безопасностью и экономикой или, в более общем плане, между оценкой различных видов риска. В конце Второй мировой войны, при разработке нового порядка для мирного времени, Организация Объединенных Наций и международные экономические организации сознательно создавались симметрично: пять самых влиятельных государств стали пятью постоянными членами Совета безопасности ООН. Они также получили пять самых крупных квот и стали постоянными членами во Всемирном банке и Международном Валютном Фонде. Однако политические и экономические системы разошлись, когда Советский Союз не ратифицировал Бреттон-Вудские соглашения, а в результате коммунистической революции членом МВФ вначале стала небольшая Китайская республика (Тайвань). Этот статус был передан Китайской Народной Республике только в 1980 году.

Самыми важными в видении 1944–1945 годов были связи между сферами политики и экономики. Но последующее размежевание экономической и политической сфер затруднило — или сделало невозможным — решение вопросов и в той, и в другой сферах. Для их решения необходимо возродить дух, царивший в конце Второй мировой войны, чтобы разработать институциональную основу, не только располагающую техническими возможностями для смягчения ущерба от финансовых кризисов, но и способную также объединить страны в рамках более широкой договоренности об общих принципах дальнейшей работы. ■

Гарольд Джеймс — новый историк МВФ, профессор истории и международных отношений Принстонского университета.

Литература:

- Angell, Norman, 1913, *The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power to National Advantage* (Toronto: McClelland and Goodchild).
- Broz, J. Lawrence, 1997, *The International Origins of the Federal Reserve System* (Ithaca, New York: Cornell University Press).
- Eichengreen Barry, and Marc Flandreau, 2010, “The Federal Reserve, the Bank of England and the Rise of the Dollar as an International Currency, 1914–39,” *BIS Working Paper 328* (Basel: Bank for International Settlements).
- Hirschman, Albert O., 1970, *Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press).
- Irwin, Douglas A., 1996, *Against the Tide: An Intellectual History of Free Trade* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press).
- Lambert, Nicholas, 2012, *Planning Armageddon: British Economic Warfare and the First World War* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press).
- McCraw, Thomas K., 2012, *The Founders and Finance: How Hamilton, Gallatin, and Other Immigrants Forged a New Economy* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press).
- O'Rourke, Kevin H., and Jeffrey G. Williamson, 1999, *Globalization and History: The Evolution of a Nineteenth-Century Atlantic Economy* (Cambridge, Massachusetts: MIT Press).
- Rachman, Gideon, 2011, *Zero-Sum Future: American Power in an Age of Anxiety* (New York: Simon & Schuster).